АБУ АЛИ ИБН СИНА И ЕГО ВРЕМЯ

(К 1000-летию со дня рождения по хиджре — мусульманской лунной эре)

А. Ю. Якубовский

Чествование 1000-летия со дня рождения Абу Али ибн Сины (Авиценны) проводится по решению Венского Конгресса Всемирного Совета мира, принятому в ноябре 1951 года. В праздновании этого юбилея принимает участие всё прогрессивное человечество, борющееся за мир, свободу и демократию, за развитие культуры и науки. Советский народ чтит в лице Авиценны не только гениального учёного и мыслителя, но и своего прославленного соотечественника, замечательного сына таджикского народа.

Полное имя Авиценны — Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн ал Хасан ибн Али ибн Сина. На Востоке его сокращённо именуют Абу Али ибн Сина, в Европе — Авиценна. Последнее имя получилось не вследствие какого-либо искажения имени Абу Али ибн Сины, а как передача древнееврейского написания «Авен Сина».

По своему происхождению таджик, Авиценна и как учёный сложился целиком на таджикской культурной почве в самом центре Средней Азии — саманидской столице Бухаре.

Невозможно найти в мире имени, которое в конце X и первой половине XI в. могло бы соперничать с именами двух гениев научной и философской мысли, какими были два великих среднеазиатских учёных — таджик Авиценна и хорезмиец Бируни.

Биограф Авиценны находится в весьма благоприятных условиях в отношении источников. Авиценна оставил обширные труды по медицине и философии на арабском и таджикском языках, а также поэтические произведения на родном ему таджикском языке. По счастливому стечению обстоятельств сохранилась и автобиография Авиценны, которую записал его ученик Абу Убейдуллах Джузджани со слов великого учёного. Автобиография эта была им закончена и дошла до нашего времени в двух редакциях, очень мало отличающихся друг от друга, в сочинениях двух арабских средневековых авторов: у Ибн ал-Кифти (род. в 1172 г.) — «Тарих ал-Хукама» («История мудрецов») [1]; у Ибн Аби-Усейбиа (род. в 1203 г.) — «Уйун ал-Анба фи Табакат ал-Атибба» («Источники сведений относительно биографий врачей») [2].

Автобиография написана лаконическим языком и даёт несомненные сведения о главных событиях богатой научной и политической жизни Авиценны. Приведённые в ней факты и послужили главным источником для написания настоящей статьи.

Авиценна родился в 370 г. хид. [3], что соответствует 980 г. н. э., в селении Афшана, близ Бухары, в семье одного из бухарских чиновников по

---

[1] Ibn al-Kifti. Tarikh al-Hukama. Изд. Lippert, Leipcig. 1903 (в дальнейшем Ибн ал-Кифти).

[2] Ibn Abi-Useibia. Изд. A. Müller. Königsberg. 1884 (в дальнейшем Ибн Аби-Усейбиа).

[3] Дата рождения Авиценны устанавливается следующим образом. В редакции автобиографии у Ибн ал-Кифти говорится, что Авиценна умер в 428 г. хид., прожил же он 58 лет. Отсюда и вычисляется 370 г. хид. как год его рождения (Ибн ал-Кифти, стр. 426). В редакции автобиографии у Ибн Аби-Усейбиа говорится, что Авиценна родился в 375 г. хид., умер в 428 г. хид. и прожил всего 53 года (Ибн

сбору податей и налогов с населения. Отец Авиценны Абдаллах был родом из Балха, родным языком его был таджикский. В Бухаре и её окрестностях он появился в дни саманидского эмира Нуха ибн Мансура (976—997) [4] и был направлен сначала начальником сбора налогов с селения Хурмейсан (Хурмитан), точнее Урмитан, и его района. Несмотря на то, что Абдаллах, по словам Авиценны (в передаче Абу Убейдуллаха Джузджани), был финансово-податным чиновником некрупного масштаба, он был человеком достаточно состоятельным, чтобы дать своим двум сыновьям хорошее образование. Не надо забывать, что в конце X в. на Ближнем Востоке сбор налогов с населения сдавался часто на откуп, что требовало от финансово-откупного чиновника, хотя бы и небольшого масштаба, свободных наличных денег. Такие чиновники в те времена были тесно связаны с саррафами — базарными торговцами деньгами. Последние играли в жизни городов того времени заметную роль среди эксплуататорских элементов, так как выступали как менялы, ростовщики, маклеры, но особенно часто как откупщики налогов.

Особенно значительна была их роль в качестве маклеров. Судя по Насире Хосроу, в Басре в первой половине XI в. саррафы принимали от приезжавших туда людей товары, выдавали им расписки, то есть чеки, при помощи которых люди покупали нужные им товары и окончательно рассчитывались с саррафами. Таким образом, они не только пользовались советами саррафов, но, имея чеки, могли обходиться без серебряных и золотых денег [5]. Абдаллах, как это видно из автобиографии, имел постоянные с ними сношения — деловые и личные. Саррафы, люди по-своему образованные, были враждебны ортодоксальному исламу и в подавляющем большинстве своём являлись карматами-исмаилитами, о чём нам ещё придётся сказать ниже.

Абдаллах жил сначала в Хурмитане, одном из древнейших селений Бухарской области, однако вскоре переехал в Афшану, также одно из бухарских селений, где женился на богатой девушке-таджичке; здесь и родились у них оба сына: Хусейн (таково было собственное имя Авиценны) и его брат. Ещё мальчиком Авиценна вместе с родителями переехал в Бухару [6], которая стала столицей Саманидского государства, затмившего богатством и могуществом аббасидский халифат.

Во второй половине X в. Саманидское государство включало в свои пределы, кроме Средней Азии, также и самую обширную область Ирана — Хорасан. На этой территории находились богатые оазисы, где возделывалось много пшеницы, риса, хлопка, разводились фруктовые сады, бахчи, виноградники, процветали шелководство и разные технические культуры (конопля, лён). В Саманидском государстве была развита городская жизнь. Среди городов следует отметить Бухару, Самарканд, Кят, Ургенч, Кеш, Несеф, Бинкет (Ташкент), Мерв, Нишапур, Балх, Герат и другие. В городах процветала ремесленная промышленность, в том числе художественная. На базарах шла оживлённая торговля, как местная — между городом и окрестными селениями, так и караванная, участники которой продавали и покупали преимущественно предметы роскоши. Средняя Азия и Хорасан славились изделиями своей ремесленной промышленности: хлопчатобумажными, шёлковыми и шерстяными тканями, бронзовыми сосудами (кувшины, чаши), украшенными орнаментами и надписями, хо-

---

Аби-Усейбиа, стр. 9). Между прочим, у Ибн ал-Кифти в том месте, где говорится, что Авиценна прожил 58 лет, издателем Липпертом приведено разночтение, согласно которому Авиценна прожил 53 года. Дате рождения 370 г. хид. нужно больше верить, так как только в этом случае факты биографии Авиценны укладываются в хронологические рамки политических событий его времени.

[4] Ибн ал-Кифти, стр. 413; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

[5] См. Насире Хосроу. Сафар-Намэ, русский пер. Е. Э. Бертельса, стр. 185—186. «Академия». 1933.

[6] См. Ибн ал-Кифти, стр. 413; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

лодным оружием, предметами из кожи (обувь, сёдла, конская сбруя, колчаны). При Саманидах до 965 г. караваны из Средней Азии ходили на Волгу к русским славянам, к хазарам в Итиль, к болгарам в Болгары, а после того, как хазары были разгромлены русским князем Святославом,— только к русским славянам и в Болгары. На Волгу из Средней Азии шло преимущественно серебро в монете и изделиях, в чём особенно нуждались русские славяне, ткани и указанные выше предметы, а оттуда — кожи и разного рода пушнина (куница, соболь, бобр), русские и варяжские мечи. В Китай караваны везли стекло, коней, а из Китая — преимущественно шёлковые ткани. Города Саманидов не только являлись местом караванной торговли, но и дорожными станциями, через которые шли пути в Китай не только из Средней Азии, но и из городов Западного Ирана, Ирака, Сирии и Малой Азии. В Саманидском государстве господствующим численно населением были таджики — трудолюбивые земледельцы и ремесленники, народ с уже тогда богатым прошлым, создавший свою культуру: науку, изобразительное искусство и архитектуру. Наряду с таджиками в Саманидском государстве, в Хорезме, в X в. жили близкие таджикам по языку хорезмийцы, создатели прославленной в древности хорезмийской земледельческой цивилизации.

В степях Саманидского государства жили различные тюркские племена, которые уже во многих местах начали переходить к оседлому состоянию. Этот процесс в значительных масштабах развернулся лишь в XI—XII и последующих веках. Вместе с переходом к оседлому земледельческому труду эти тюрки (тюркеши, карлуки, огузы, чигили и др.) воспринимали у таджиков их земледельческую культуру, передавая им, в свою очередь, некоторые черты своего быта и производственных навыков, в частности технику изделия ковров. В тех местах, где тюрки оседали в большом числе, там из двух языков — таджикского и тюркского — побеждал последний; постепенно создалась новая народность, по культуре близкая таджикам, а по языку тюркская. Эта народность впоследствии получила имя узбекской.

Земледельческое население Саманидского государства находилось, так же как и персидское население областей Западного и Юго-Западного Ирана, на том уровне развития производительных сил и производственных отношений, когда господствующими отношениями стали феодальные.

В саманидском обществе Средней Азии и Хорасана наиболее сильным слоем господствующего класса феодалов были дехкане — крупнейшие землевладельцы. За свои земли они не несли службы саманидским эмирам, стремились освободиться даже от платежей налогов, чего, конечно, не могли допустить Саманиды, и были враждебно настроены к централизации управления, которую упорно проводили последние. Многие из дехкан возводили свои роды к древним княжеским фамилиям. Рядом с дехканским землевладением при Саманидах стало появляться служилое землевладение типа икта. Икта давалось за службу военным и гражданским чиновникам. Первоначально икта выражалось в том, что обладатель икта получал право взимать в свою пользу частично или полностью земельный налог (харадж) с селения или группы селений, который до того выплачивался в казну государства. Пока иктадар (владелец икта) нёс службу, он получал указанные доходы. Постепенно иктадары обращали икта в наследственное право взимания доходов с указанных земель. В конце XI и XII в. икта превращалось в феод, а иктадары — во владетелей земель, не только взимавших попрежнему доходы с крестьян, но и подчинявших себе во всём последних.

При Саманидах выросло также крупное землевладение высшего мусульманского духовенства. Особенно крупное влияние в экономическом, политическом и культурном отношениях было у духовных феодалов при Нухе ибн Насре (943—954) и во второй половине X века.

В ряды крупных феодалов через канал икта пробиралось немало крупных военачальников тюркской полунаёмной, полурабской гвардии, которая составляла ядро войска саманидских эмиров.

Крестьянство при Саманидах продолжало жить сельскими общинами. В условиях земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении, Саманидское государство отличалось малоземельем. Сельским общинам не хватало земли, рядовой земледелец, как общинник, не мог прокормить себя и свою семью; выход из этого тяжёлого положения он искал на стороне и находил его на земле крупного землевладельца. Последний не вёл крупного хозяйства: оно ему было невыгодно,— а сдавал землю мелкими участками на основе издольных аренд, которые носили кабальный характер. Крестьянин, как издольщик, работал чаще всего из четверти, то есть четверть урожая оставлял себе, а три четверти отдавал землевладельцу.

Крестьянин выплачивал в казну государства харадж (земельный налог), который составлял огромную долю получаемого им урожая: от ⅓ до ⅖. Харадж взимался не только с общинной, но и с издольной земли, с доли, которую получал хлебопашец-издольщик. Кроме того на крестьянине лежали тяжёлые повинности в пользу государства и феодалов в виде работы по постройке и ремонту дорог, мостов, проведению и очистке арыков, постройке городских стен, дворцов и т. д. Страдали крестьяне и от чиновников, особенно финансово-податных, в руках которых был сбор хараджа и других налогов.

Саманиды стремились к централизации аппарата управления, что было вызвано необходимостью более успешной борьбы с кочевниками и с дехканами, постоянно стремившимися к свободе от подчинения центральной власти, отчасти было связано с интересами торговли, но, главное, диктовалось необходимостью держать в узде крестьян. Однако централизация проходила с трудом, и никогда Саманидам ввиду усиления феодализации не удавалось провести её на всей территории государства. Более того, начиная с эмира Насра ибн Ахмеда (914—943) и на протяжении всех дальнейших десятилетий X в. усиливались децентралистские феодальные силы: *отдельные феодалы — дехкане, наместники областей* и даже тюркские военачальники устраивали мятежи против Саманидов, рвали на части государство, которое последние стремились укрепить и централизовать. В такой обстановке слагались путём мятежей и отрыва самостоятельные княжества. Так, купленный на рынке раб огузского происхождения, затем выдвинувшийся при саманидском дворе в качестве военачальника тюркской гвардии, Али Тегин основал в 962 г. независимое владение в Герате. Таким же был Абу Али Симджури — потомок тюркского гуляма-воина, владетель области Кухистана. Таким, наконец, был и Фаик, также крупный военачальник тюркской гвардии, который неоднократно затевал интриги и мятежи против последних саманидских эмиров.

Авиценна жил в Бухаре при эмире Нухе ибн Мансуре (976—997) и Мансуре II (997—999). Первый из них оказался на саманидском престоле мальчиком в возрасте 13 лет и не мог сам управлять государством. Фактическими правителями были мать Нуха II и везир Абдаллах ибн Ахмед Утби, человек образованный, волевой, наделённый большими административными способностями. В обстановке феодальных отношений, несмотря на всяческое стремление со стороны Саманидов создать бюрократию, целиком подчинённую престолу, должность везира оказалась наследственной в руках нескольких знатных фамилий, представители которых сменяли друг друга в зависимости от обстоятельств.

Наиболее авторитетными были фамилии Балами и Утби. Абдаллах ибн Ахмед был полезен Нуху ибн Мансуру, как везир. Ему приходилось действовать в трудных условиях, когда отдельные феодалы, пользуясь своим высоким чиновным положением, создавали тяжёлые для государства распри и мятежи. Особенно ожесточённую борьбу вели между собою

при Нухе ибн Мансуре Абу Али Симджури и Фаик. Абдаллах ибн Ахмед Утби в качестве везира старался прекратить эту борьбу и ослабить силы и влияние обоих. Борьба закончилась победой Абу Али Симджури. Последний захватил в бесконтрольное управление области Саманидов, лежавшие к югу от Аму-Дарьи, то есть весь Хорасан с его богатыми и культурными городами Балхом, Мервом и Нишапуром. Фактический отрыв Хорасана от Саманидов наносил существенный ущерб саманидской казне, так как харадж и другие доходы на время перестали поступать оттуда.

В конце X в. Бухара, в которой жил Авиценна, была большим, богатым и культурнейшим городом на Ближнем Востоке. Ко времени Авиценны город имел свою долгую историю. Он просуществовал уже многим более 500 лет. Задолго до Авиценны была построена его высокая цитадель, где находилось укреплённое жилище домусульманских владетелей Бухары — бухар-худатов. В центре города, несколько ближе к северной его части, при Авиценне расположены были бухарские базары. В средневековом феодальном городе базары были не только местом торговли, но и ремесленного производства. Ремесленники располагались по специальностям отдельными кварталами (махалла). В источниках часто упоминаются базар саррафов (менял) в Бухаре, проток стекольщиков (джуйбар-казаририйн), где выделывали и продавали стеклянные сосуды, бывшие тогда дорогими предметами, тиме (пассаж, крытый базар), где продавались кожаные калоши. До нашего времени на этом месте сохранились куполообразные помещения: заргярон (купол ювелиров), тильпак фурушон (купол продавцов головных уборов). На базарах также размещались ткачи, сапожники, портные, ножовщики, оружейники, кузнецы, горшечники и многие другие, в том числе и ремесленники, изготовлявшие разные виды сладостей. Во времена Авиценны, согласно его автобиографии, в Бухаре был базар продавцов рукописных книг (варраков). На бухарских базарах жизнь била ключом, особенно в базарные дни, два раза в неделю; наиболее оживлённый базар бывал в пятницу.

Бухарская служилая знать и старое богатое дехканство свои дома строили в западной и северной частях города. Характерно, что в западной части Бухары в X в. находилась улица дехкан. На запад от упомянутой бухарской цитадели находилась большая площадь Регистан, где стоял дворец саманидских эмиров, а также здание десяти саманидских диванов, то есть ведомства центрального управления страной. Это был как бы центр правительственной жизни Саманидского государства. Летом в самой Бухаре жить было тяжело, вот почему землевладельческая знать, в том числе и высшие чины государства и двора, строили себе загородные дворцы с садами в местностях Джуи Мулиан и Карак-и-Алавиан, расположенных на север от цитадели и Регистана. При Саманидах в Бухаре большим вниманием пользовалось мусульманское духовенство, сосредоточенное в мечетях, медресе и ханаках (общежития учеников при жилище шейхов). Бухара в X в. славилась своими мечетями. Характерно, что наиболее ранним из медресе является медресе Фарджак в Бухаре; оно известно, по данным Наршахи, уже под 937 годом [7].

В. В. Бартольд первый отметил, что медресе Фарджак древнее всех других медресе на Ближнем Востоке [8], и высказал мысль, что как школа мусульманского богословия медресе зародился на востоке мусульманского мира, в Средней Азии, и отсюда распространился на запад — в Иран, Ирак, Сирию, Малую Азию. Египет и дальше. Долгое время лучшей мечетью Бухары была соборная, находившаяся между цитаделью (арком) и наиболее старой частью города (шахристан). При эмире Насре ибн Ах-

---

[7] См. Наршахи, изд. Шефер, Париж, перс. текст, стр. 93; русский пер. Н. Лыкошина, Ташкент, стр. 118.

[8] См. В. Бартольд. Туркестан. Т. II, стр. 105; его же. Учёные мусульманского «ренессанса». Записки Коллегии Востоковедов (ЗКВ), V, стр. 6.

меде (914—943) она сгорела дотла, и её пришлось заново отстраивать [9]. При эмире Абд ал-Мелике (954—961) была выстроена на Регистане великолепная мечеть, которая затмила красотой упомянутую, хотя и не была соборной.

Средневековые города на Востоке, как, впрочем, и на Западе, с нашей точки зрения, были весьма мало благоустроены и отличались своей антисанитарией. Улицы Бухары были узки и грязны, хотя арабский географ ал-Мукаддаси, посетивший Бухару, когда Авиценна был ещё младенцем, и утверждает, что улицы в Бухаре были широкие [10]. Постройки в Бухаре, как правило, были каркасные, в один — два этажа; были дома, сложенные из сырцового кирпича, беднота ютилась на окраинах города в домиках, сложенных из глины с небольшим количеством дерева. Дворцы строились из жжёного кирпича, как медресе и мечети, однако с применением большего количества дерева [11] (колонны, потолки, айваны, двери).

Наличие большого количества дерева в бухарских постройках порождало частые пожары [12], когда дотла уничтожались целые кварталы и гибли замечательные памятники архитектуры — дворцы, мечети, медресе. Ярким примером бухарского пожара служит пожар 937 г. [13] (правление Насра ибн Ахмеда), когда пламя с загоревшейся постройки у Самаркандских ворот (северная часть города) перекинулось на соседний дом и так бежало от дома к дому, пока не охватило бухарские базары. В два дня сгорело больше половины города, в том числе и упомянутый медресе Ферджек. Пожар был остановлен у главного арыка Бухары — Руди-Зар, который пересекал город с запада на восток.

Арык Руди-Зар был главным источником воды в Бухаре. Вода из него поступала в более мелкие арыки и в хаузы (водоёмы).

С водой в Бухаре в прошлом было всегда неблагополучно: её не хватало, а та, которая имелась в водоёмах, застаивалась, гнила и служила рассадником самых разнообразных болезней. Особенно от них страдали кварталы бедняков, где воды было меньше, где была большая скученность населения и мало продуктов питания.

Несмотря на все отрицательные стороны средневекового феодального города, Бухара считалась красивым городом. О красоте её построек можно судить по мавзолею основателя могущества Саманидского государства эмира Исмаила Самани, сохранившемуся от начала X в. до наших дней в западной части Бухары. Постройка эта не раз была предметом внимательного изучения специалистов и хорошо известна по многим изданиям. Не подлежит сомнению, что и Авиценна хорошо её знал.

Бухара была культурнейшим городом своего времени — центром литературной, научной и богословской жизни. Саманиды хотя и были типичными феодальными правителями, которые, как и Тахириды, жестоко эксплуатировали народные массы налогами и натуральными повинностями, однако слыли покровителями литературы, светских наук, архитектуры и изобразительных искусств. При Саманидах арабский язык, который до того господствовал в поэзии и литературе, был вытеснен таджикским: уже около ста лет, как он стал господствующим языком, на котором говорило не только население городов, но и большей части селений Средней Азии. Арабский язык сохранился главным образом в богословии (фикхе) и светских науках. С Бухарой и Саманидами были связаны такие гении таджикской поэзии, как Дакики и Рудеги. Рудеги выдвинулся при Насре ибн Ахмеде, а Дакики — при Нухе ибн Мансуре (976—997) и был современником Авиценны. В Бухаре бывал и Фердоуси, создатель гениального творения «Шах-намэ», а также старший современник Авиценны.

---

[9] См. Н е р ш а х и, перс. текст, стр. 48; русский пер., стр. 65.
[10] См. Bibliotheca Geographorum Arabicorum (BGA), III, 281.
[11] См. Н е р ш а х и, перс. текст, стр. 12, 15, 16, 49, 50; BGA, III, 314, 316, 358.
[12] См. BGA, III, стр. 281; Н е р ш а х и, перс. текст, стр. 93; русск. пер., стр. 118.
[13] См. Н е р ш а х и, стр. 118.

Мировоззрение Фердоуси, который большую часть своей жизни провёл в Иране, целиком сложилось на культурной традиции саманидского времени. Быть может, наиболее характерной чертой этой традиции было стремление возродить во всех областях литературы, науки и искусства культурное наследие таджикского прошлого, возродить всё, что было создано оригинального в городах и селениях Средней Азии и Хорасана до арабского завоевания. Эта традиция находилась в прямом противоречии с ортодоксальным исламом и мусульманским духовенством ханифитского и шафиитского толка. Нельзя пройти мимо того, что саманидские эмиры охраняли указанную традицию от полного разгрома со стороны мусульманского духовенства. Характерно, что после падения Саманидского государства, как увидим ниже, карахашидские правители Средней Азии полностью поддерживали реакционный поход мусульманского духовенства против всего, что противоречило ортодоксальному исламу. В Бухаре было немало крупных учёных и в области светских наук. Вспомним таджикского историка Балами, переводчика арабоязычного Табари. Балами дал сокращённый перевод огромного исторического свода последнего, причём это был творческий перевод, в котором читатель найдёт ряд вставок самого Балами. Балами был не только историком, но и везиром при двух саманидских эмирах — Абл-ал-Мелике (954—961) и Мансуре (961—976). Авиценна не мог не знать этого труда. Старшим современником Авиценны был и безымянный автор классического сочинения по географии «Худуд ал-Алем» («Области мира»), составленного на таджикском языке и появившегося в свет в 80-х годах X в., то есть уже при жизни Авиценны. В сочинении этом мы находим ценнейшие сведения об экономической жизни Саманидского государства второй половины X века.

Самое появление Авиценны как великого естествоиспытателя именно в Бухаре указывает, что здесь были учёные и в этой области, хотя они не оставили после себя заметного следа. Мы не можем сказать, жил ли в Бухаре, хотя бы короткое время, в начале X в. знаменитый среднеазиатский тюрк-философ ал-Фараби — главная фигура арабоязычной философии раннего средневековья на Ближнем Востоке. Но даже если он здесь и не жил, влияние его философского учения заметно и в биографии самого Авиценны.

Вернёмся, однако, к отцу Авиценны — Абдаллаху — и среде, которая окружала его в повседневной жизни. Абдаллах, как рассказывает сам Авиценна, был последователем исмаилитства. Среди саррафов и чиновников финансового мира исмаилитские идеи были широко распространены по всему Ближнему Востоку, в том числе и в Бухаре — столице Саманидов. В распространении идей карматства-исмаилитства большую роль играло Фатимидское государство. Фатимидские государи, будучи сами карматами, повсюду рассылали агентов исмаилизма. Среди этих агентов-пропагандистов большую роль играли саррафы, профессия которых позволяла им легко передвигаться из одной страны в другую, тем более что повсюду у них были деловые, финансовые связи. Известные саррафы выдавали купцам чеки взамен оставленных у них денег, что облегчало обороты караванной торговли, так как чек, выданный, например, в Сирии, можно было легко обменять на деньги у бухарских саррафов.

Авиценна, говоря в автобиографии об отце своём Абдаллахе, указывает на его исмаилитские симпатии и связи. В Бухаре исмаилиты со времён Насра ибн Ахмеда пустили глубокие корни. Вспомним, что именно при нём исмаилит Мухаммед Нахшаби по поручению Хусейн ибн Али Мервези, военачальника саманидских войск в Хорасане, вёл энергичную пропаганду исмаилитских идей. У исмаилитов в 30-х и начале 40-х годов X в. были большие связи с саманидским двором и среди крупных чиновников государства. Исмаилитами (карматами) сделались раис Бухары —

один из первых людей столицы, по своей должности представлявший перед престолом интересы бухарской знати, начальник финансового ведомства (сахиб хараджа), крупные дехкане, люди базара и др. Сам эмир Наср ибн Ахмед был одно время последователем исмаилитства. Как известно, эти увлечения, выразившиеся в том, что саманидский эмир в знак признания высшего авторитета фатимидского халифа послал ему большую сумму денег, вызвали в рядах ортодоксального мусульманского духовенства и тюркской гвардии решительную оппозицию, вплоть до решения произвести дворцовый переворот, впрочем, предотвращённый вмешательством наследника престола Нуха ибн Насра. Что же привлекало некоторые круги землевладельческой знати и высшего чиновничества, а также «людей базара», в частности саррафов, к исмаилитству? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо уяснить руководящие положения исмаилитского учения в Иране и Средней Азии. Они могут быть сведены к следующему:

1. Исмаилиты считали, что народы, покорённые арабами, должны повсюду быть свободны от власти последних. Поэтому они повсюду поддерживали местные династии, в частности в Иране и Средней Азии, где жили ираноязычные народы.

2. Исмаилиты в качестве основного класса общества выдвигали свободное крестьянство, вследствие чего были противниками того положения, в которое попало крестьянство в связи с процессами феодализации, так интенсивно проходившими в IX—X веках.

3. Исмаилиты смотрели на рабство как на нормальное явление и считали, что рабов могут иметь все свободные люди, в том числе и земледельцы-крестьяне. Нечего и говорить, что это положение исмаилитства придавало ему реакционный характер, так как с точки зрения развития общества возврат к рабовладельческому строю был бы шагом назад.

4. Исмаилиты были противниками ортодоксального ислама, придерживались воззрений крайнего шиизма, фактически порывавшего с исламом, хотя и сохранявшего некоторые его термины и имена. В области философской мысли исмаилиты придерживались позиции мистицизма и мессианизма, склонны были даже философов и математиков древности, как, например, Платона и Пифагора, рассматривать как пророков. Исмаилиты были поклонниками античной философии, однако философию эту не знали в подлинниках, а лишь в неоплатонических и неопифагорейских извращениях, затуманенных к тому же разными местными мистическими измышлениями. Всё это накладывало реакционный характер на учение исмаилитов, если взять его в целом.

5. В X в. исмаилиты ещё не имели той сложной иерархической организации, которая так характерна для них в XI — начале XIII в., хотя основные звенья её в X в. были уже заложены.

Распространение исмаилитства в Хорасане и Средней Азии, преимущественно в среде старого дехканства и вышедшего из его рядов высшего чиновничества, указывает, что даже в конце X в. там был ещё силён рабовладельческий уклад; многие крупные землевладельцы предпочитали эксплуатировать рабов, а не земледельцев-крестьян. В 80-х годах, когда Авиценна был ещё мальчиком, исмаилитство уже не имело свободного, широкого распространения, так как официально оно считалось вредной ересью, которую преследовало мусульманское духовенство. Тем не менее в домашней обстановке беседы на исмаилитские темы имели место, что мы и видим на примере семьи Авиценны.

★

Отец Авиценны был культурным человеком, почему и обратил внимание на обучение своих сыновей. Авиценна рассказывает, что с раннего

детства он обучался у учителей корану и адабу, причём в той и другой области достиг совершенства к десяти годам жизни [14].

Несколько слов об адабе. В адаб входили знания в области словесных наук: грамматика, стилистика, поэтика и другие дисциплины. В средние века, особенно в IX—X вв., на мусульманском Востоке большое значение придавалось общей образованности, без чего, выражаясь современным нам языком, человека нельзя было признать культурным. Этим требованиям и удовлетворял адаб.

В. В. Бартольд в одной из работ приводит интересные слова арабского географа начала XIII в. Якута об адибе: «Разница между адибом и алимом (учёным.— *А. Я.*) заключается в том, что адиб берет от каждой вещи лучшее и соединяет это в одно целое, алим старается познать какую-нибудь одну отрасль знания и достигнуть в ней совершенства» [15].

Как увидим ниже, Авиценна сумел сочетать в себе адиба и алима, так как уже в детстве он постиг всё, что полагалось знать адибу, то есть широко образованному человеку, оставаясь вместе с тем самостоятельным исследователем в области познания природы и философии. В своей автобиографии Авиценна рассказывает, как ещё в отроческие годы он присутствовал на беседах, которые вели с отцом и братом собиравшиеся у них гости-исмаилиты, являвшиеся вместе с тем египетскими, то есть фатимидскими, эмиссарами [16]. Во время этих бесед речь шла о мировой душе и мировом разуме, как их понимали неоплатоники и неопифагорейцы. Авиценна внимательно прислушивался к этим разговорам, так же как и к разговорам на эти темы между отцом и его братом, разбирался в них, однако к мнению их не присоединялся [17].

После изучения словесных наук, которые входили в программу адаба, Авиценна перешёл к изучению элементарных сведений по философии, геометрии и арифметике. Характерно, что на этом этапе его учителем был знакомый отца, торговец бакалеей [18], обучавший его «индийскому счёту», то есть арифметике. Видя огромный интерес мальчика к знанию и его исключительные способности, отец пригласил к Авиценне спёциального учителя, некоего Абу Лбдаллах ан-Натали, который незадолго до того появился в Бухаре. Отец поселил нового учителя у себя в доме и поручил ему преподавание философии, фикха (мусульманское право) и математики. Рассказывая об этом, Авиценна, между прочим, замечает, что в фикхе он уже сделал успехи под руководством Исмаила аз-Захида до того, как появился ан-Натали (б. м. ан-Натили). Последний не представлял яркой фигуры ни как учёный, ни как преподаватель. Влияние его сказалось, быть может, только в том, что он несколько направлял внимание Авиценны и сумел определить его глубокие научные способности и интересы. С исключительной усидчивостью, совсем не свойственной его возрасту, занимался Авиценна вопросами логики, изучал Евклидову геометрию, внимательно читал Алмагесту Птолемея [19], в которой последний излагал свою систему мироздания. Авиценна в возрасте 13—15 лет без посторонней помощи преодолевал все трудности, связанные с чтением этих книг. Когда Авиценне было 15 лет, ан-Натали покинул Бухару и отправился в Ургенч, бывший до 996 г. столицей Северного Хорезма.

Авиценна не помянул добрым словом своего учителя: он мало от него получил и многое понимал лучше него. С этих пор его учение пошло самостоятельным путём. В 15 лет он интенсивно занялся изучением естествознания и богословия. По его собственным словам, перед ним открылись

---

[14] См. Ибн ал-Кифти, стр. 413; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

[15] В. Бартольд. Учёные мусульманского «ренессанса». ЗКВ. V, стр. 3, перевод В. В. Бартольда.

[16] См. Ибн ал-Кифти, стр. 413; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

[17] См. Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

[18] См. Ибн ал-Кифти, стр. 413; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 2.

[19] См. там же, стр. 414; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3.

двери науки. В то же время он заинтересовался медициной. С большой лёгкостью одолевал он сочинения по этой отрасли знания. Вот что он пишет о медицине: «Медицина не принадлежит к числу трудных наук, и, конечно, я продвинулся в ее изучении в очень короткий срок, так что наиболее крупные врачи учились у меня медицинским знаниям» [20].

Авиценна не упоминает книг, которые он читал по медицине в то время. Однако мы сами можем вспомнить классические сочинения на арабском языке, которые пользовались до Авиценны наибольшим авторитетом в медицинских кругах. Здесь прежде всего нужно назвать труды врача Абу Бекра ар-Рази (ум. в 932 г.) «Ал-Китаб ал-Хави» («Объемлющая книга») и «Ал-Китаб ал Мансури» («Мансурова книга»). Во второй половине X в. выдвинулся Али ибн Аббас (ум. в 996 г.), составивший огромный медицинский свод под названием «Ал-Китаб ал Мелики» («Царская книга») [21]. Свод этот был сделан с учётом того, что было известно его крупному предшественнику, Абу Бекру ар-Рази. Али ибн Аббас был по происхождению персом, исповедавшим в X в. зороастризм, что было в тогдашнем культурном мире весьма редким явлением. Нельзя сомневаться, что именно эти рукописные книги и изучал Авиценна.

В работе об Авиценне А. А. Семёнов упоминает имя бухарского медика Абу-ал-Мансура Камари [22], однако последний не мог своими трудами заменить Авиценне вышеприведённых классиков медицины. Авиценна никогда не занимался чем-нибудь одним, а читал и по другим вопросам — по фикху, философии. Так было и в этот период увлечения медициной. Уже в эти ранние годы (по собственному признанию, ему было тогда 16 лет) [23] теория у него сочеталась с практикой, и он лечил больных, которые к нему охотно приходили. Интересно отметить, что, как врач, он придавал большое значение опыту. Вот его собственные слова: «Открылись передо мной двери врачевания, основанного на опыте» [24]. В 16 лет Авиценна стал известным и уважаемым врачом в Бухаре.

В раннем средневековье на Ближнем Востоке не было учёных — специалистов только в одной какой-нибудь области. Знания были очень ограниченны, особенно в области математики, физики, естествознания и медицины. По господствовавшим тогда взглядам, оторвать эти науки от философии было нельзя, и учёные, особенно учёные крупного масштаба, были энциклопедистами. Таким образом, научная разносторонность Авиценны не была его исключительным свойством. Заниматься медициной, а вместе с тем и философией было нормальным явлением. Работоспособность Авиценны в юношеские годы, как, впрочем, и в течение всей его жизни, была исключительна. Он сам о себе говорит: «В это время я ни одной ночи не спал полностью, да и днём я ничем другим не занимался, как наукой» [25]. Всякий раз, когда, по его словам, он возвращался поздно вечером домой, он садился за книги. Когда сон начинал одолевать его, он прибегал к вину и возвращал нужную для работы бодрость; в тех же случаях, когда сон брал верх, он и во сне обдумывал те вопросы, над которыми работал наяву. Так это продолжалось до тех пор, «пока я не укрепил себя,— говорит Авиценна,— во всех науках, пока не изучил их настолько, насколько позволяет человеческая природа» [26].

К философским наукам у Авиценны в то время был не меньший интерес, чем к медицине и естествознанию. Он с увлечением занимался логикой, физикой и метафизикой. В распоряжении Авиценны в то время

---

[20] Ибн ал-Кифти, стр. 414; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3.
[21] Об Авиценне как враче см. А. Борисов. Авиценна как врач и философ. «Известия АН СССР». Отделение общественных наук, № 1—2 за 1938 г., стр. 54.
[22] См. «Абу Али ибн Сина (Авиценна)», стр. 26. Сталинабад. 1945.
[23] См. Ибн ал-Кифти, стр. 414—415; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3.
[24] Ибн ал-Кифти, стр. 414; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3.
[25] Ибн ал-Кифти, стр. 415; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3.
[26] Там же.

была уже большая литература по философии на арабском языке. Подлинных сочинений Аристотеля и Платона ни на греческом, ни в переводах на арабский язык учёные X в. на Востоке не имели. Их философские концепции были известны в передаче неоплатоников, к тому же осложнённые вымыслами переводчиков, причём переводы на арабский язык шли не непосредственно с греческого, а с переводов, сделанных на сирийский, пехлевийский и другие языки. Правда, до Авиценны жил гениальный ал-Фараби (ум. в 950 г.), узбекский учёный, философ, писавший на арабском языке. В своих замечательных сочинениях, главные из которых, к сожалению, до нас не дошли, он поставил своей задачей узнать подлинного Аристотеля и повернуть путь развития философии на арабском языке в сторону аристотелизма. Что он сделал в этом направлении, сказать трудно, пока не будут полностью открыты его сочинения, что тоже весьма сомнительно. Авиценна в автобиографии прямо говорит, что вопросы метафизики (имеется в виду «Метафизика» Аристотеля) оказались для него очень трудными. До сорока раз, по его словам, перечитывал он «Метафизику», а смысла понять так и не смог [27]. Только случай помог ему в этом. Однажды, гуляя по бухарскому книжному базару, он натолкнулся на торговца рукописными книгами, предложившего купить за три дирхема книгу, которая оказалась комментарием ал-Фараби на «Метафизику» Аристотеля [28]. Как велика была радость юноши, когда прочитанные несколько раз комментарии ал-Фараби открыли ему глаза на великого философа древней Греции и дали возможность понять наконец, как ему казалось тогда, самое содержание «Метафизики» Аристотеля [29]!

Трудно переоценить эту встречу на бухарском базаре в творческой биографии Авиценны. Упоминание Авиценной книжного базара в Бухаре весьма ценно и в общекультурном отношении. В X в. книжный базар в Бухаре был местом встреч учёных и литераторов, здесь сходились интересные в интеллектуальном отношении люди, вели беседы, спорили. Здесь происходил обмен взглядами по вопросам науки и литературы, определялись течения в той или другой области,— одним словом, кипела богатая духовная жизнь бухарской интеллигенции.

Знакомство Авиценны с вышеназванным трудом ал-Фараби, повидимому, сыграло в формировании его философских взглядов огромную роль, так как оно помогло ему если не полностью, то частично отойти от господствовавших тогда чисто идеалистических и мистических идей неоплатонизма, особенно распространённых в исмаилитской среде. Выше уже говорилось, что он не принимал взглядов, которые излагались исмаилитами в родном доме, когда Авиценна был ещё мальчиком, по вопросам, связанным с учением о мировой душе и мировом разуме. Мне представляется, что не всё в исмаилитстве ему было чуждо. Характерная для исмаилитов любовь к родной земле и ненависть к завоевателям-арабам, державшим власть над Ираном и Средней Азией в течение более двух веков, хотя это и было уже в прошлом, находили большой отклик в душе Авиценны. Были близки Авиценне и отрицательные взгляды исмаилитов на ислам, а также склонность их к светским наукам, развитие которых всё больше наталкивалось на сильное недоброжелательство со стороны ортодоксальных кругов мусульманского духовенства. Эти две стороны исмаилитства всегда были близки Авиценне.

Из-за отсутствия сведений в источниках трудно сказать, каково было отношение юного Авиценны к социальным взглядам исмаилитов. Другое дело — философские воззрения последних. Если верно утверждение специалистов (имеем в виду историков «арабской философии»), что Авиценна продолжал и углублял линию ал-Фараби по «выделению из того эклекти-

---

[27] См. там же.
[28] См. Ибн ал-Кифти, стр. 415—416; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 3—4.
[29] См. Ибн ал-Кифти, стр. 416; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 4.

ческого хаоса аристотелевских элементов, которые передали арабам их арамейские учителя» [30] в области античной философии, то тогда Авиценна не мог разделять философских воззрений исмаилитов, а следовательно, и стать полностью в их ряды. Надо думать, что многое ещё туманное и неясное в этой области до покупки рукописи ал-Фараби на бухарском базаре определилось как путеводная линия в его длительной творческой деятельности после знакомства и тщательного изучения этой книжки.

В 17-летнем возрасте Авиценна получил доступ в одну из лучших библиотек на Ближнем Востоке — библиотеку саманидского эмира Нуха ибн Мансура. Произошло это до некоторой степени случайно. Нух ибн Мансур тяжело заболел. Лечившие его придворные врачи не могли ему помочь; тогда они пригласили Авиценну, который, по его собственному свидетельству [31], пользовался большим авторитетом в их среде. Только благодаря его вмешательству Нух ибн Мансур выздоровел. В благодарность за успешное лечение Нух ибн Мансур удовлетворил просьбу Авиценны допустить его к чтению книг по медицине в дворцовой библиотеке.

В своей автобиографии Авиценна оставил интересное описание её. Библиотека состояла из многих комнат. В каждой комнате помещались сундуки с книгами, наложенными одна на другую. Книги были собраны по специальностям. В одной комнате — арабские книги и поэтические сочинения, в другой — по фикху, и так в каждой из комнат книги по отдельным отраслям знания [32]. В библиотеке имелись справочники, по которым можно было найти любую книгу.

Авиценна сумел полностью использовать эту прекрасную библиотеку. Едва ли за всё время её существования работал там более усидчивый, образованный и одарённый читатель! Работал он в ней систематически и долго, причём со свойственной ему склонностью читать по возможности всё интересное; он ознакомился с её основным фондом по многим отраслям знания.

Саманидская библиотека была одной из лучших в X в., однако не единственной по своим собраниям. Её соперницей была библиотека в Ширазе — столице бувейхидского княжества при правителе Адуд-ад-даула (949—983). Библиотека эта помещалась в великолепном дворце, состоявшем из 360 комнат. Библиотека была исключительно богата по количеству и разнообразию рукописных книг — в этом она не уступала Саманидской библиотеке, в отношении же хранения и техники пользования книгами была даже выше последней. Во дворце имелась специальная библиотечная зала, вдоль которой были расположены небольшие комнаты. В них и хранились книги по отдельным отраслям знания и литературы. Книги в Ширазской библиотеке лежали не в сундуках, как в Бухаре, а на особых полках [33]. В этом было её особое преимущество. Здесь также имелись необходимые справочники (фихристы). К сожалению, ни Авиценна, ни арабский географ конца X в. ал-Мукаддаси, который оставил описание Ширазской дворцовой библиотеки, ничего не рассказывают об обслуживании этих библиотек. В книге немецкого востоковеда А. Меца «Die Renaissance des Islams» имеется описание «Дома науки», открытого в Каире в 1004—1005 году [34]. Здесь была прекрасная библиотека. А. Мец приводит и данные, касающиеся бюджета «Дома науки». Характерно, что библиотекарь получал в месяц 4 динара [35]. Если принять во внимание, что динар

---

[30] А. Борисов. Указ. соч., стр. 63.

[31] См. Ибн ал-Кифти, стр. 416; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 4.

[32] См. там же.

[33] См. Ал-Мукаддаси. BGA, III, 449.

[34] A. Mez. Die Renaissance des Islams, стр. 169; см. также В. Бартольд. Культура мусульманства, стр. 53. Петроград. 1918. Изд. «Огни».

[35] Динар — золотая монета, ходившая в западных областях мусульманского мира (на запад от Ирана). В Иране и Средней Азии ходила в это время серебряная монета — дирхем.

в X в. стоил примерно 5 золотых рублей, то даже при сравнительной дешевизне тогда в Египте продуктов питания заработок этот был более чем скромен.

Вернёмся, однако, к Авиценне. В Саманидской библиотеке Авиценна работал несколько лет. Во всяком случае, он посещал её почти до самого своего отъезда из Бухары. Когда и почему покинул родной и прекрасный город Авиценна? Какие произошли обстоятельства, которые заставили его уйти навсегда из Средней Азии? Чтобы ответить на этот вопрос, надо остановить наше внимание на политической обстановке конца X века. Саманидское государство переживало в это время глубокий кризис. Народные массы — крестьяне и ремесленники — страдали от государственных налогов и натуральных повинностей: харадж с крестьян саманидские правители взимали часто по два раза в год; усиление распрей и мятежи отдельных феодалов против саманидских эмиров более всего отражались на крестьянском хозяйстве, так как кони вражеских отрядов безжалостно уничтожали посевы полей, а сами воины съедали запасы, оставленные трудовой семьёй до следующего урожая. В народе зрело всё большее недовольство саманидскими правителями. Военная мощь Саманидов, когда-то бесспорная, в конце X в. потеряла реальное значение. Мусульманское духовенство, вошедшее высшими своими слоями в ряды феодалов, становилось всё реакционнее и было преданно больше далёким аббасидским халифам, чем саманидским эмирам, которым оно не прощало их традиционную поддержку таджикской поэзии и светских наук. Бухара всё более становилась центром мусульманского мракобесия, её медресе считались оплотом ортодоксального реакционного богословия.

Высшее мусульманское духовенство было ближе к тюркской гвардии, точнее, к её военачальникам, чем к самим саманидским эмирам.

В самом конце X в., как известно, в Средней Азии произошли крупнейшие политические события, приведшие к падению Саманидского государства. Со стороны Семиречья и Кашгара началось завоевательное движение тюркских племён (карлуков, чигилей, ягма), недавно объединённых образовавшимся там Караханидским государством. Караханидские войска, возглавляемые Богра-ханом, не встретили серьёзного сопротивления со стороны Саманидов. В Бухаре в это время происходил полный развал. Несмотря на лично ему присущую энергию и понимание политической обстановки, Нух ибн Мансур не мог остановить фактического распада государства. Он не мог собрать нужных ему войск, а главное, найти верных военачальников. Его высшие «генералы» — Абу Али Симджури, Аяч и Фаик — оказались изменниками и предателями. Абу Али Симджури тайно вёл переговоры с Богра-ханом о разделе Саманидского государства. Аяч, командующий саманидскими войсками, сознательно проиграл Богра-хану битву на подступах к Бухаре при Хардженге в расчёте занять у Караханидов высокий служебный пост. Нух ибн Мансур в такой обстановке вынужден был в 992 г. покинуть Бухару, которая перешла в руки Богра-хана. Всё это мог наблюдать Авиценна, когда ему было 12 лет. Богра-хан тогда не удержался в столице Саманидов. Нух ибн Мансур собрал войско и готовился силой вернуть Бухару, однако Богра-хан из-за болезни и тяжёлого климата сам её покинул *. Начало сознательной жизни Авиценны в Бухаре приходится на самые тяжёлые годы в истории Саманидского государства, на семь лет, которые прошли между 992 г. и 999 г., когда Ка-

---

* Несмотря на то, что Богра-хан пробыл в Бухаре несколько месяцев, он успел выбить в Бухаре в 382 г. хид. (992 г. н. э.) некоторое количество золотых динаров со своим именем, чем и хотел продемонстрировать свою верховную власть над Мавераннахром. Один из этих до настоящего времени не известных золотых динаров был найден частным лицом в земле вместе с другими саманидскими динарами в Туркменской ССР и передан в августе 1952 г. вместе с саманидским динаром Насра ибн Ахмеда в Государственный Эрмитаж, где и был прочтён А. А. Быковым, затем показан мне, за что я и приношу ему благодарность.

раханиды в лице Илек-хана Насра захватили Бухару и ликвидировали Саманидское государство. Уже в эти годы Авиценна обнаружил свои таланты, определил свои научные вкусы, приобрёл основные знания и приступил к замечательной деятельности учёного — теоретика и практика. В эти же годы он видел, как рушится то, что ему было дорого,— существование Таджикского государства под властью Саманидов, которое если и не очень поддерживало, то, во всяком случае, не преследовало учёных, занимавшихся светскими науками; видел, как предательски относилось к саманидской династии мусульманское духовенство, которое вместе с тюркскими военачальниками подготовляло победу Караханидам. Авиценна, как человек умный, дальновидный, прекрасно понимал, что при тюрках-караханидах, которых поддерживало реакционное мусульманское духовенство, у него, как учёного, не может быть никаких перспектив для работы и дальнейшего роста. После падения Саманидского государства он прожил в Бухаре не больше полугода. Что ему в ней было делать? На окончательное решение оставить надолго, а то и навсегда Бухару повлияла смерть его отца Абдаллаха [36], которая произошла, повидимому, в 999 году. Не надо забывать, что, пока был жив отец, Авиценна, известный тогда молодой учёный, имел кров, пищу и материальные средства. Авиценна попробовал служить в финансово-податном ведомстве, но из этого ничего не вышло. Что мог заработать учёный, хотя бы и врач, если он не находился на службе и под покровительством государя или хотя бы могущественного феодала? Очень мало или ничего. В саманидской Бухаре Авиценна мог надеяться стать авторитетным придворным врачом и чувствовать себя независимо даже при недоброжелательстве реакционного мусульманского духовенства. А на что мог он надеяться при Караханидах? Сохранить независимость научной работы он не смог бы. Авиценна это хорошо понимал и решил переселиться в столицу Хорезма город Ургенч, где обстановка для учёных была, как ему казалось, более благоприятной.

В феодальном мире на Ближнем Востоке, да ещё в раннем средневековье, положение учёных было очень трудным и сложным. Без мецената учёный не мог вести творческую работу. Только при дворе государя он мог найти средства для жизни и творчества. Необходимые материальные средства покупались дорогой ценой — учёный и поэт должны были удовлетворять разнообразные, подчас самые неожиданные запросы и прихоти государя или покровителя в лице феодала. Учёный-медик, как правило, был энциклопедистом, он лечил своего титулованного покровителя; и горе ему, если больной не поправлялся; он должен был давать удовлетворяющие ответы на самые неожиданные вопросы из различных областей знания и философии, он должен был знать звёздное небо, особенно в части астрологической, так как государь хотел быть уверенным, что благополучно закончится задуманный им поход или какое-нибудь другое предприятие. Учёному к тому же приходилось жить в обстановке придворных интриг, где каждый день можно было ждать удара в спину, где очень трудно было сохранить независимость, а подчас и чувство собственного достоинства без того, чтобы не потерять место. Авиценна на примере своей жизни, как мы и увидим ниже, после отъезда из Бухары хорошо познал обстановку придворного учёного и врача. Всю свою жизнь он не имел своего дома и скитался от одного государя к другому, причём испил не одну чашу разочарования, горечи, а иногда даже и унижения.

Из Бухары Авиценна уехал в Ургенч, повидимому, в начале 1000 г., в возрасте 20 лет [37]. Уехал он не как никому не известный молодой учёный, а как крупный авторитет, достаточно прославившийся. Он не случай-

---

[36] См. Ибн ал-Кифти, стр. 417; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 4.

[37] В своей работе «Время Авиценны» («Известия АН СССР». Отделение общественных наук, 1938 г. № 5, стр. 102) я указал, что ему было уже 22 года; мне представляется, что вышеприведённая цифра — 20 лет — более правильна.

но и не напрасно выбрал Хорезм и его столицу Ургенч. Последний в самом начале XI в. переживал период расцвета. До 996 г. Хорезм входил в Саманидское государство не как единое целое, а двумя частями — как Южный Хорезм, управляемый хорезмшахом Абу Абдаллахом Мухаммедом из династии Афригидов, и Северный Хорезм, главой которого был эмир Мамун ибн Мухаммед, живший в Ургенче. Хорезм занимал земли в нижнем течении Аму-Дарьи и был, как и Согд, в древности культурнейшей и богатой страной. Находясь на перекрёстке дорог из Юго-Восточной Европы и Средней Азии и по соседству с обширной туркменской степью, Хорезм в X в. необычайно вырос. Здесь жило трудолюбивое земледельческое население — хорезмийцы,— создавшее цветущую страну; здесь имелись богатые города — Кят, Хива, Ургенч и другие, известные на всём Ближнем и Дальнем Востоке как центры ремесленной промышленности, торговли и культуры. В Хорезме, так же как и в долине Зарафшана — в Самарканде и Бухаре,— было много образованных людей, а среди них и учёных в области математики, астрономии, филологии, медицины и философии. В хорезмских городах не умерли традиции древней среднеазиатской науки, так что не случайно именно отсюда вышли такие замечательные учёные, прославившие науку Востока, как математик Мухаммед ибн Муса Хорезми и великий Бируни.

Производимые в Хорезме в течение последних пятнадцати лет археологические раскопки под руководством проф. С. П. Толстова открыли большое количество ценнейших памятников хорезмийской цивилизации в древности и средние века, что нашло отражение в работах С. П. Толстова «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации».

Разделение Хорезма на две части, искусственно поддерживаемое Саманидами, мешало его росту. Объединение Хорезма стало настоятельной необходимостью. В 996 г. эмир Мамун ибн Мухаммед силой сумел подчинить себе Южный Хорезм, захватил в плен последнего хорезмшаха из династии Афригидов и объявил себя независимым правителем Хорезма с титулом хорезмшаха, что можно было сделать ввиду полного развала Саманидского государства. Преемником Мамуна ибн Мухаммеда явился Али ибн Мамун (997—1000 гг.); при нём, согласно автобиографии, Авиценна и приехал в Ургенч. Везиром, по его словам, был в то время Абу ал-Хусейн ас-Сахли, покровитель учёных. К сожалению, дата смерти Али ибн Мамуна и прихода к власти Абу -л-Аббаса Мамуна ибн Мамуна не внушает полного доверия. Авиценна, говоря о последнем периоде пребывания в Бухаре, вспоминает, что ему уже исполнилось 20 лет, а родился он в 980 г., следовательно, он мог уехать из Бухары не раньше 1000 года. Правильно ли считать 1000 год годом смерти Али ибн Мамуна? Может быть, он умер не в 1000, а в 1001 году? Так или иначе, но Авиценна при Али ибн Мухаммеде прожил в Ургенче недолго. Большая часть его ургенчской жизни прошла при брате Али ибн Мамуна, известном хорезмшахе Абу ибн Аббасе Мамуне ибн Мамуне (1000—1017). Как и его брат, Мамун II (так мы будем называть его дальше) был усердным покровителем светских наук. В первые годы XI в. многое способствовало этой его культурной политике. После падения Саманидов Хорезмское княжество оказалось не только фактически, но и официально самостоятельным. Сам Аббасидский халиф признал его независимость, да и караханиды, которые тогда претендовали на Балхскую область, из-за чего у них были нелады с Махмудом Газневи, владевшим Хорасаном, не могли угрожать Хорезму. Казна Мамуна II была богата, он продолжал строительную деятельность отца и брата в Ургенче, украшал его постройками, стремясь сделать его красивым городом, не уступающим по красоте Бухаре. Склонность к наукам толкала его на меценатство, отчего при его дворе и собрались лучшие учёные того времени. Согласно ан-Низами ал-Арузи ас-Са-

марканди [38], в Ургенче на придворных меджлисах заседали замечательные люди: Абу Сахл Масихи — философ, Абул-л Хайр ал-Хаммар — выдающийся медик, молодой тогда, но уже глубоко авторитетный Абу Рейхан ал-Бируни, такой же гений науки, как и присоединившийся к ним Авиценна. К сожалению, нам неизвестны подробности об этих меджлисах, о беседах на них перечисленных учёных.

Сколько же лет провёл Авиценна в Ургенче? Жильбер, библиотекарь кабинета рукописей Национальной библиотеки в Париже, считает, что Авиценна в возрасте 32 лет уехал из Хорезма [39]. Если он приехал в Хорезм в 1000 г., как я об этом говорил выше, то, значит, Авиценна покинул Ургенч за 5 лет до падения независимости Хорезмского княжества. Так ли это? Ответить на этот вопрос трудно. И на самом деле, были ли у Авиценны причины покинуть Ургенч, пока Мамун II был в силе? Думается, что нет: хорезмский правитель и окружавшие его учёные хорошо относились к Авиценне. Другое дело — последние годы существования Хорезма, когда при дворе и в маленькой культурной стране всё было полно тревоги за дальнейшие судьбы княжества. Известно, что Махмуд Газневи (998—1030), владетель Хорасана и ещё некоторых областей Ирана, организатор грабительских походов в Северную Индию, один из самых жестоких государей — тиранов средневекового Востока,— давно уже стремился подчинить себе Хорезм и включить эту богатую область в состав своего государства. Существует легенда со времён раннего средневековья, согласно которой как-то от Махмуда Газневи к хорезмшаху Мамуну II пришло письмо, в котором газневидский государь просил тоном, напоминающим приказ, отправить к его двору выдающихся учёных, бывших в то время украшением хорезмской столицы. Даже самые жадные до почестей и славы учёные не хотели добровольно ехать, так как прекрасно знали, что при дворе Махмуда Газневи они не найдут благоприятной атмосферы для своих научных занятий. Нигде, пожалуй, в то время, даже в караханидской Бухаре, не было такого засилия мракобесного мусульманского духовенства, как в Газне. Большинство учёных всё же вынуждено было отправиться в Газну. Что касается Авиценны, то он решил тайно покинуть Хорезм и найти убежище в тех местах Ирана, где он был бы недосягаем для Махмуда Газневи.

Трудно сказать, верно ли передаёт эта легенда исторические события. Если она достоверна, то тогда всё это могло иметь место не раньше 1015 г., когда Махмуд Газневи взял агрессивный по отношению к хорезмшаху Мамуну II тон. И всё же прав Жильбер в том, что Авиценна покинул Хорезм в возрасте 32 лет, так как грузинский князь Кабус ибн Вашмгир, к которому он отправился на службу, был убит в 1012 году. Авиценна, упоминающий его как живого, не мог появиться в Гургене позже 1012 года. Так или иначе, но Авиценна не просто уехал из Ургенча, а покинул его в необычайной обстановке: тайно и спешно уехал он вместе с своим приятелем Абу Сахлом Масихи по направлению к Нисе (в 18 км от Ашхабада).

В пустыне Абу Сахл Масихи не выдержал трудности пути и умер, так и не доехав до культурной земледельческой полосы. По словам автобиографии, из Нисы Авиценна поехал в Баверд (Абиверд), где также не задержался, потом проездом был в хоросанском городе Тусе, затем Шакане, Саманкане, Джаджараме, откуда направился в Нишапур, где пробыл некоторое время.

На Востоке широко распространён рассказ о встрече в Нишапуре Авиценны с Абу Саидом Мейхенским. Рассказ этот ведётся от лица последнего и никак не отражён в автобиографии. Это были два диаметраль-

---

[38] См. Ан-Низами ал-Арузи ас-Самарканди Chahar Maqala, изд. «Gibb memorial», series XI. 76.

[39] См. У. Жильбер. Тысячелетие со дня рождения Авиценны. «В защиту мира» № 8 за январь 1952 г., стр. 92.

по противоположных мыслителя. Если один свои знания строил на наблюдении, опыте и дедукции, то другой, а именно Абу Саид, на место знания ставил веру и мистическое проникновение в тайны бытия [40], хотя и был образованным человеком. Абу Саид был создателем и главой суфийской школы, широко распространённой в первой половине XI в. в Нишапуре и близких к нему городах Хорасана, главным образом среди ремесленников. Из Нишапура Авиценна отправился в Гурген, главный город одноименного владения, расположенного в юго-восточной части побережья Каспийского моря. Правителем Гургена в то время был Кабус ибн Вашмгир (976—1012) из династии Зияридов, один из суровых в отношении к народу феодальных правителей Ирана. Вместе с тем Кабус пользовался репутацией противника ортодоксального ислама, сторонника мусульманских персидских традиций и большого покровителя светских наук.

В Гургене была в то время сложная политическая обстановка, как и в соседнем Дейлеме. Здесь жило свободолюбивое ираноязычное население, которое никогда до конца не подчинялось ни арабам, ни другим завоевателям. В начале XI в. опасность Гургену (городу и области) грозила более всего со стороны Махмуда Газневи, который принудил Кабуса ибн Вашмгира признать себя его вассалом, однако фактической власти там ещё не имел. Население в Гургене страдало от тяжёлых налогов и повинностей, что порождало большое недовольство, которое могло быть использовано политическими соперниками Кабуса. Согласно биографии, не успел Авиценна воспользоваться как следует его гостеприимством в Гургене, как Кабус был схвачен, посажен в одну из крепостей, а затем убит [41]. Смерть Кабуса была большим ударом для Авиценны, так как он рассчитывал найти в Гургене покойное убежище для научных занятий и врачебной практики, а вместе с тем и скромные средства для существования. Авиценна, повидимому, был неспокоен за свою жизнь после убийства Кабуса и счёл разумным покинуть город, на который возлагал большие надежды. Автобиография не даёт нам материала, чтобы ответить на вопрос, почему он уехал именно в Дихистан, небольшой город на юго-восточном берегу Каспийского моря. Здесь он заболел какой-то, по его словам, тяжёлой болезнью и после кратковременного пребывания в этом городе вернулся в Гурген [42]. В скором времени Авиценна убедился с чьих-то слов, что в Гургене ему ничто не угрожает. Здесь он и встретился с человеком, который стал его верным, хотя и не лучшим, учеником, сопутствовавшим ему в течение всей его жизни. Звали этого человека Абу Убейд ал-Джузджани. Если считать, что встреча произошла, когда Авиценне было 32 года, то он провёл в обществе ал-Джузджани 25 лет [43]. На этой встрече и заканчивается автобиография Авиценны. В дальнейшем рассказ, помещённый у Ибн ал-Кифти и Ибн Аби-Усейбиа, идёт не от имени великого учёного, а от лица ал-Джузджани [44]. Тем не менее его рассказ не перестаёт быть достоверным, так как ал-Джузджани был почти ежедневным свидетелем всех событий в жизни Авиценны.

По словам ал-Джузджани, Авиценна в Гургене познакомился с Абу Мухаммедом аш-Ширази — большим любителем наук. Это был, повидимому, богатый человек. Почувствовав симпатию к Авиценне и глубокое уважение к его научному гению, аш-Ширази построил для него дом по соседству со своим. Авиценна много трудился как учёный и практик-врач, тесно переплетая науку и практическую деятельность. Практическая ра-

---

[40] Мухаммед ибн ал-Мунаввар. Асрар ат-тавхид фи макамат шейх Аби Саид, стр. 251—253. Изд. В. А. Жуковского. СПБ. 1899.

[41] См. Ибн ал-Кифти, стр. 417; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 4. Автобиография не упоминает, что восстание против Кабуса возглавил сын его Менучехр, явившийся из Табаристана.

[42] См. Ибн ал-Кифти, стр. 417; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 4.

[43] Впрочем, об этом говорит и автобиография. См. Ибн ал-Кифти, стр. 422; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 7.

[44] См. Ибн ал-Кифти, стр. 417; Ибн Аби-Усейбиа. стр. 4.

бота врача была для него не только заработком, но и «лабораторией»: Авиценна ставил диагнозы, делал наблюдения над ходом болезни, испытывал действия лекарств, выяснял причины заболевания и т. д. В Гургене Авиценна работал над главным своим сочинением по медицине — Каноном («Китаб ал-Канун фи Тибб» — «Канон медицины», или «Канон врачебной науки»). Этой книге суждено было затмить всё, что было сделано до Авиценны в области медицинских знаний.

В автобиографии имеется подробный перечень того, над чем он здесь работал и что сделал [45]. Из этого перечня видно, что гургенский период был исключительно плодотворным в его жизни. Не изменяя широте своих научных интересов, он занимался отдельными вопросами описания и лечения разных болезней, которые и сводил в отдельные главы, занимался также многими вопросами философии. Характерно, что в Гургене он заложил основы своего знаменитого труда «Китаб аш-шифа» — «Книги исцеления»,— а также начал «Китаб ан-наджат» — «Книгу спасения», представляющую сокращённое изложение «Книги исцеления». Характерно, что даже философское сочинение «Хаий, сын Якзана» он задумал и частично выполнил в Гургене. Трудно переоценить значение гургенского периода в создании Авиценной его великих работ (они были закончены в Хамадане и Исфахане). Можно с уверенностью сказать, что никогда после Авиценна не работал так спокойно и, быть может, так плодотворно, как в Гургене. Жизнь в Гургене он вёл очень скромную и всё своё время отдавал лечению больных и научным занятиям. С Абу Мухаммедом аш-Ширази он был в хороших отношениях и часть научных работ выполнил по его поручению или заказу. К сожалению, Авиценна не упоминает, сколько лет он провёл в Гургене. Если судить по перечню научных работ, которые он выполнил в Гургене, он не мог провести здесь меньше 4—5 лет.

Что же заставило его покинуть Гурген? Ответить на этот вопрос трудно. Ал-Джузджани лишь лаконично сообщает, что из Гургена Авиценна направился в Рей. Это было бувейхидское феодальное владение, находившееся в вассальных отношениях к Махмуду Газневи. Власть в этом городе (ныне развалины недалеко от Тегерана) находилась в руках Саййды и её сына Маджд ад-даула. Отношения Маджд ад-даула и его матери Саййды не были нормальными. Она не хотела уступить ему власть, даже когда он достиг 17 лет (1007 г.). Маджд ад-даула сделал попытку насильственно лишить её власти. Однако его брат Шемс ад-даула — правитель Хамадана — с помощью курдского вождя Бедр ибн Хасанавейха посадил его в темницу. Вскоре Маджд ад-даула помирился с матерью и стал самостоятельным правителем Рея. В 1015 г. Шемс ад-даула вновь напал на Рей. Саййде и Маджд ад-даула пришлось бежать. Впрочем, они вскоре смогли вернуться в Рей, так как тюркское войско Шемс ад-даула восстало против него. Авиценна появился в Рее через год, а может быть, через два после этого события, то есть в 1016 или 1017 году *. Повидимому, все перечисленные события повлияли на душевное состояние молодого Маджд ад-даула. Авиценна быстро сумел завоевать его симпатии тем, что вылечил Маджд ад-даула от тяжёлого душевного недуга — тяжёлой формы меланхолии. Авиценна был замечательным психиатром и обладал редким умением возвращать психически больным людям душевную уравновешенность, покой и уверенность в себе; об этом даровании Авиценны до сего дня ходит на Востоке немало рассказов и анекдотов. В Рее он продолжал работать над вопросами врачевания, однако пребывание его здесь оказалось недолгим, так как Рею угрожали военные осложнения.

[45] См. Ибн ал-Кифти, стр. 418; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 5.

* Монеты, битые с именем бувейхида Маджд ад-даула, известны с 388 г. по 407 г. хид. (998—1017 гг. н. э.), что вполне укладывается в хронологические рамки изложенных событий. Ведь нельзя забывать, что Саййда чеканила монеты с именем сына, начиная с его детских лет. Сведения о монетах Маджд ад-даула я получил от А. А. Быкова, за что выражаю ему благодарность.

Рейское владение не могло рассчитывать на длительное самостоятельное существование. Соседство такого хищника, каким был Махмуд Газневи, также не сулило ничего хорошего. Верность вассальным обязательствам не могла спасти ни Рея, ни его владетельницы. Для Авиценны не было более страшного и ненавистного имени, чем Махмуд Газневи. Авиценна хорошо знал его враждебное отношение к светским наукам, его тесную дружбу с самыми мракобесными группами мусульманского духовенства, которые были идеологами его грабительских походов и захватов. В Иране в то время была очень сложная политическая обстановка. Его политическая история в X и первой половине XI в. пошла по несколько иной линии, чем история Средней Азии. В Средней Азии усиление феодализации не помешало Саманидам объединить страну и если не полностью, то в значительной мере централизовать правительственный аппарат и создать сильное войско, которое способно было, по крайней мере до конца X в., охранять государство от кочевников-тюрок. Ирану кочевники не угрожали в той мере, как Средней Азии, что отчасти происходило благодаря Саманидам, которые в течение почти всего X в. сдерживали их натиск.

Это отсутствие необходимости централизованной борьбы против кочевников наряду с другими причинами объясняет, почему в обстановке усиленной феодализации не оказалось силы, способной преодолеть феодальную раздробленность и объединить в единое Персидское государство несколько феодальных владений, которые в середине X в. сложились под властью персидской династии Бувейхидов, или Буидов.

Некоторые из этих владений достигали даже в X в. значительных размеров, например, Ширазское владение при Адуд ад-даула (949—983), которого считали одним из наиболее могущественных государей на Ближнем Востоке, соперником Саманидов. Казалось, что он и явится объединителем всего Западного и Южного Ирана. Однако этого не случилось. В начале XI в. количество бувейхидских владений возросло.

Рейское владение было в это время примером небольшого бувейхидского княжества. Значительно более крупным княжеством было Хамаданское владение, во главе которого стоял бувейхид Шемс ад-даула Абу Тахир (997—1021), сын Фахр ад-даула. Сюда и решил переехать из Рея Авиценна, так как боялся в случае военных осложнений попасть в руки Махмуда Газневи, который явно стремился прибрать бувейхидские владения к своим рукам.

До настоящего времени нет серьёзной монографии о Юго-Западном и Западном Иране времени бувейхидов, а именно этот период особенно интересен с точки зрения изучения полной победы феодализма. Процессы феодализации благодаря богатым источникам, особенно обилию сведений у автора XI в. ибн Мисхавейха, могут быть прослежены в бувейхидских княжествах лучше, чем в среднеазиатских владениях Саманидов. Обилие фактов по вопросу о сложении икта, о видах икта, об отношении иктадаров к государственной власти, о положении крестьян на землях иктадаров, наконец, по вопросу о постепенной потере крестьянами свободы через коммендацию — всё это делает историю бувейхидских владений, просуществовавших около столетия, с середины X до середины XI в., очень интересной. И не случайно, что именно на базе такой интенсивно проходившей феодализации и определилась раздробленность политической жизни Юго-Западного Ирана. В обстановке раздробленности отдельных владений, постоянных столкновений между собой бувейхидских князей, в атмосфере постоянных опасений, что войска Махмуда Газневи или его наместника могут ворваться и ограбить приютившую тебя страну и город, и жил Авиценна, не говоря уже о превратностях судьбы учёного на хлебах у титулованных меценатов. Путь Авиценны из Рея лежал через Казвин. В Хамадане, где он поступил на службу к упомянутому Шемс ад-даула (997—1021), он провёл свыше 6 лет. Жизнь его здесь была

исключительно насыщена трудом и превратностями судьбы. И здесь, как и в других местах, он быстро выдвинулся как успешно лечащий врач. Шемс ад-даула занемог тяжёлой желудочной болезнью, от которой его вылечил Авиценна. Талант и познания врача, широкая образованность, огромный ум вместе с большим авторитетом, которым Авиценна уже широко пользовался, произвёли такое впечатление на хамаданского владетеля, что он сделал Авиценну своим везиром [46], то есть главным своим чиновником. Авиценна, конечно, не мог быть обычным везиром, не брал взяток, не обворовывал совместно с другими высшими чинами — гражданскими и военными — княжеской казны, был требователен в исполнении обязанностей по службе, чем и заслужил к себе недоброжелательство придворных и военных. Авиценне пришлось даже пережить несколько тяжёлых недель, опасаясь за свою жизнь. Ал-Джузджани рассказывает, что однажды войско из тюркских гулямов, точнее, высшие военные чины, опираясь на войско, начали мятеж [47], направленный против него.

Трудно сказать, что́ послужило причиной военного мятежа, быть может, задержка в выплате жалованья, что весьма вероятно, так как Шемс ад-даула незадолго перед тем вернулся из неудачного похода. Фактом является то, что мятежники окружили дом везира, ворвались в него, разграбили его имущество. К счастью, Авиценне удалось скрыться в доме некоего шейха Аби Са'да ибн Дахдука, где он и провёл сорок дней [48]. Мятежники даже настаивали на казни Авиценны, но Шемс ад-даула, хотя и очень испугался их, всё же разрешения на это не дал. Неизвестно, чем бы кончился этот тяжёлый в жизни Авиценны эпизод, если бы Шемс ад-даула не заболел вторично той же желудочной болезнью. Авиценна был разыскан, доставлен ко двору, Шемс ад-даула принёс ему свои извинения и после выздоровления вернул ему должность везира. Казалось бы, неожиданная политическая карьера Авиценны, сопровождаемая к тому же неустойчивостью положения и превратностями личной судьбы, не способствовала деятельности учёного, который нуждался в тихой и покойной жизни для своей работы. А между тем это было не так. Авиценна и здесь не снизил ни интенсивности, ни темпов своей исследовательской деятельности. Ал-Джузджани рассказывает, что в Хамадане Авиценна собирал у себя каждый вечер, несмотря на свою занятость делами управления, своих учеников [49]. Как-то раз, рассказывает ал-Джузджани, он обратился к Авиценне с просьбой написать комментарии на труд Аристотеля [50] (имеется в виду его «Метафизика»). Авиценна на это ответил, что выполнить эту работу в настоящее время невозможно, но если ал-Джузджани удовлетворится комментариями без полемики с противниками, то он, Авиценна, это сделает. Так возобновилась его работа над созданием его знаменитого философского труда «Аш-Шифа» («Книга исцеления»). Выше уже указывалось, что значительную часть материала для этого труда Авиценна подготовил в гургенский период своей жизни. На основе этого материала и была написана первая часть «Аш-Шифа», составляющая раздел физических наук. До этого он также окончательно отделал первую книгу своего медицинского канона, которая вчерне в значительной части была уже выполнена в Гургене. На указанных выше ночных собраниях у Авиценны и проходили чтения глав из этих трудов. По словам ал-Джузджани, бывало так, что он (ал-Джузджани) читал что-нибудь из «Аш-Шифа», а кто-нибудь другой из учеников Авиценны прочитывал главу из Канона [51]. Когда чтение и беседа кончались и участники собрания

---

[46] См. Ибн ал-Кифти, стр. 419; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 5.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] См. Ибн ал-Кифти, стр. 420; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 6.
[50] См. Ибн ал-Кифти, стр. 419—420; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 5—6.
[51] См. Ибн ал-Кифти, стр. 420; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 6.

чувствовали себя уставшими, появлялись певцы и музыканты, а вместе с ними и вино, пока не загоралась заря.

В 1021 г. Шемс ад-даула отправился в поход против одного из враждебных эмиров, по дороге опять тяжело заболел, причём к этой желудочной болезни прибавились другие; болезнь настолько обострилась, что на обратном пути он скончался [52]. В Хамадане присягнули на верность его сыну, который предложил Авиценне продолжать службу при дворе. Однако Авиценна отказался от предложения. Хорошо зная положение дел в Хамаданском княжестве и не веря в возможность здесь дальнейшей научной работы, Авиценна написал письмо к владетелю Исфахана Ала ад-даула ибн Душманзар ибн Какуи (ибн Каквейх) (1007—1041), прося принять его к себе на службу. Ала ад-даула, связанный родственными отношениями с Саийдой, Маджд ад-даула и Шемс ад-даула, был в то время одним из наиболее сильных феодальных князей в Юго-Западном Иране, известных ещё более, чем Шемс ад-даула, покровительством светским наукам. Понимая, что новый правитель не простит ему желания оставить Хамаданский двор, Авиценна покинул своё жилище и тайно поселился у некоего Абу Галиба ал-Аттара [53] — торговца парфюмерными товарами, который питал к нему, повидимому, большое расположение. Здесь Авиценна провёл несколько месяцев в тиши и покое, усиленно работая над продолжением и окончанием начатых им раньше трудов. Больше всего он отдавал внимания своему главному философскому труду — «Аш-Шифа» [54]. Характерно, что здесь он писал по 50 листков в день, причём бумагу и чернила ему доставлял вышеупомянутый Абу Галиб ал-Аттар [55]. В Хамаданском княжестве сын Шемс ад-даула был, повидимому, в то время малолетним, так как фактически управлял владением Тадж ал-Мульк. Последний разузнал о письме Авиценны к Ала ад-даула, разгневался на знаменитого учёного, начал его поиски, обнаружил его и посадил в крепость Фараджан [56], находившуюся недалеко от Хамадана. В этой крепости, которая стала темницей Авиценны, он провёл четыре месяца. Так же, как и в доме Абу Галиба ал-Аттара, Авиценна продолжал напряжённо работать над своими трудами, писал новые разделы, отделывал написанные раньше. В биографии, написанной ал-Джузджани, мелькают названия работ, знакомые по Гургену и Хамадану. Здесь Авиценна продолжал дописывать философскую работу о Хайе ибн Якзане, книгу о лекарствах при сердечных заболеваниях и т. д. Его пребывание в крепости совпало с походом Ала ад-даула на Хамадан, который и был взят [57].

Разбитый в сражении Тадж ал-Мульк бежал вместе с сыном Шемс ад-даула в ту же крепость Фараджан, где сидел в заключении Авиценна. Ала ад-даула, повидимому, не имел намерения ликвидировать независимость Хамаданского владения, согласился на лёгкие условия мира и вскоре покинул Хамадан. Тадж ал-Мульк вместе с сыном Шемс ад-даула вернулся в свою столицу, захватив с собой Авиценну, который поселился во дворце. Судя по дальнейшим событиям, сделано это было против воли Авиценны. Он явно не хотел быть связан службой при дворе. Повидимому, Авиценна резко отрицательно относился к Тадж ал-Мульку. И действительно, не прошло и нескольких месяцев, как Авиценна, переодевшись в одежду суфия, вместе со своим братом, ал-Джузджани и двумя

---

[52] См. там же.
[53] См. там же.
[54] См. там же.
[55] См. там же.
[56] См. там же.
[57] См. Ибн ал-Кифти, стр. 421; Ибн Аби-Усейбиа, стр. 6. Захват Хамадана произошёл в 1023 г., о чём автобиография не упоминает, а между тем эта дата помогает решить вопрос о времени бегства Авиценны в Исфахан ко двору Ала ал-даула, что случилось вскоре после захвата Хамадана.

слугами бежал из Хамадана по направлению к Исфахану [58], где он не без основания ожидал покровительства к себе со стороны эмира Ала ад-даула и дружеской поддержки учёных, которым он хорошо был известен как «шейх ар-раис», т. е. первый среди учёных, их глава. Когда Авиценна подошёл к воротам Исфахана, его встретили с большим почётом его друзья-учёные, высшие чиновники эмира Ала ад-даула, представители знати, любители наук, вручившие ему дар от эмира (почётное платье и т. д.). В Исфахане Авиценна поселился в квартале Кун-канабад (?), в хорошо обставленном доме некоего Абдаллаха ибн Баби. Ала ад-даула, как выше было сказано, пользовался славой покровителя учёных и, как это было принято при некоторых культурных феодальных дворах, устраивал собрания (меджлисы) известных учёных. В связи с приездом Авиценны Ала ад-даула издал специальное распоряжение об устройстве каждую пятницу в ночное время меджлисов, где бы учёные в присутствии и при активном участии Авиценны обсуждали различные научные вопросы. В Исфахане Авиценна прожил до конца своей жизни, немного более четырнадцати лет. Здесь он закончил свои основные, создавшие ему славу великого учёного труды, а также написал ряд новых работ. Как и в Хамадане, жизнь при Исфаханском дворе не всегда протекала спокойно. Когда его покровитель Ала ад-даула заболевал и Авиценна его излечивал, благодарный эмир оказывал ему знаки милости и внимания; так бывало и тогда, когда Авиценна поражал на меджлисах эмира замечательными ответами на различные и неожиданные вопросы. Но если Авиценна чем-нибудь задевал самолюбие своего титулованного покровителя, последний приходил в гнев и причинял ему неприятности, а иногда и непоправимое зло. На Востоке широко распространён рассказ о том, что однажды Ала ад-даула сделал Авиценне подарок, о котором он нелестно отозвался. Узнав об этом, эмир пришёл в такую ярость, что пригрозил Авиценне казнью. Последний бежал в Рей, где скрывался некоторое время. Только новая болезнь отрезвила Ала ад-даула, который приказал найти Авиценну и привести его ко двору в Исфахан.

Авиценна не имел семьи. Всю жизнь он прожил один, со своими книгами, погружённый в научную работу, общаясь с больными, которых он пытливо и заботливо лечил, в окружении своих учеников. Беспрерывный напряжённый труд, постоянное недосыпание, неуверенность в завтрашнем дне подорвали могучее здоровье великого учёного средневековья. На 58-м году жизни он умер в Исфахане от той самой желудочной болезни, от которой так успешно лечил других и о которой написал специальную работу («Китаб ал-куланджа»).

По словам ал-Джузджани, могила Авиценны находится в Хамадане у городской стены, в той её части, которая обращена к Мекке (Кибла).

Историк, излагающий хотя бы в самых коротких чертах биографию Авиценны, не может обойти молчанием вопрос об историческом значении всей его творческой деятельности. Авиценна наряду с Бируни является самым прогрессивным учёным Среднего и Ближнего Востока эпохи феодализма, а в XI в.— великим учёным человечества. В области естествознания и философии Авиценна вобрал всё наиболее ценное и прогрессивное, что оставил античный мир (правда, через сирийских и других учёных) и что создала светская наука на арабском языке, творчески переработал это наследие и продвинул знание на новую ступень. Вместе с тем нельзя забывать, что имеется огромная разница между наследием художника, скульптора, архитектора, писателя, с одной стороны, и учёного — с другой. Творения искусства, особенно если они отражают жизнь, живут значительно дольше, чем творения учёных. Последние настолько устаревают, что быстро переходят в архив науки.

Однако навсегда остаётся роль, которую эти труды сыграли в исто-

---

[58] См. там же.

рии научных знаний. В этом отношении особенно велико значение Авиценны в естествознании и философии [59]. Как уже было сказано выше, роль Авиценны в арабоязычной философии заключается прежде всего в том, что он вслед за ал-Фараби помог очистить в ней элементы аристотелизма от мистического тумана неоплатонизма, хотя до конца дней своих так и не освободился от теории эманации. При всём идеализме своей теории мироздания Авиценна был сторонником и проводником идеи вечности материи и несотворённости мира.

В соответствии с этим тезисом и его учение о боге было чуждо как исламу, так и христианству. Согласно учению Авиценны, бог так же вечен, как и материя, он не является творцом мира, его первопричиной, не обладает свободой воли и так же подчинён необходимости, как и материя. Основная функция бога, по мнению Авиценны,— эманация — излучение «перворазума», который, в свою очередь, излучает ряд «разумов», связанных с небесными телами и осмысляющих их существование. Это важное положение не делает его ещё материалистом; философия, по его определению, распадается на метафизику, физику и логику, причём метафизика изучает сущности вне материи, физика — материальные тела, а логика — понятия, которые получаются путём абстрагирования от материи [60]. В этой системе метафизика занимает первое место и тем самым определяет идеалистический характер его философской системы. На философию Авиценна смотрел как на первую из наук, науку самостоятельную и независимую. Несмотря на окружающий его феодальный мир, он всячески противился тому, чтобы превратить науку и философию в служанку религии, что так характерно для идеологии феодализма. В этом отношении его философская и научная деятельность, как и деятельность Бируни, была огромным препятствием для распространения мракобесия ислама и далеко опередила его время. Философия Авиценны, несмотря на своё идеалистическое обличие, одним только тезисом вечности материи и несотворённости мира была ненавистна исламу. И не случайно, что крупнейший мусульманский богослов XII в. ал-Газали в своём труде «Опровержение философов» более всего ополчается на Авиценну и его труды. Влияние философских трудов Авиценны, особенно «Китаб аш-Шифа» («Книга исцеления»), «Китаб ан-Наджат» («Книга спасения»), написанных на арабском языке, и «Даниш-нама» — на таджикском языке, было велико не только на Востоке, но и на средневековом Западе [61], куда оно проникло через арабскую Испанию и еврейских философов, особенно Аверроэса.

Выше уже было отмечено, что наибольшее влияние на развитие культуры и науки на Востоке и Западе имели труды Авиценны в области медицины и в первую очередь его «Ал-Канун фи Тибб» («Канон врачевания»), который в рукописных, а затем литографированных экземплярах был широко распространён на Среднем и Ближнем Востоке. В XII в. Канон был переведён на латинский язык. В 1493 г. он наряду с библией в числе первопечатных книг был издан на латинском языке в Венеции. Ровно через 100 лет, в 1593 г., Канон был издан на арабском языке в Риме. В Европе Каноном врачи пользовались ещё в XVII в., а на Востоке и по сей день есть места, где Авиценна ещё живёт как медик.

В чём же такая живучесть медицинской энциклопедии Авиценны? В том, что во мраке средневековья, когда ислам с исключительной враждебностью относился к науке, основанной на опыте, Авиценна античное наследие Гипократа и Галена, оплодотворённое в арабоязычных трудах врачей X в. Абу Бекра ар-Рази и Али ибн Аббаса, сумел поднять на но-

---

[59] См. статью В. Асмуса «Абу Али ибн-Сина» в журнале «Новый мир» № 6 за 1952 г. и статью А. М. Богоутдинова «Великий мыслитель средневековья» в «Вестнике АН СССР» № 6. 1952.

[60] См. А. Борисов. Указ. соч., стр. 68.

[61] В данном случае имеется в виду влияние первых двух работ.

вую высоту, обогатив своим врачебным опытом и своими наблюдениями и мыслями. Сила Авиценны как медика в том, что он сумел связать теорию с практикой, что он лечил, изучая болезнь вместе с соответственным органом человеческого тела. Историки науки не раз ставили вопрос, мог ли Авиценна так прекрасно для своего времени знать тело человека без того, чтобы не прибегать к вскрытию трупов. Надо думать, что Авиценна тайно прибегал к этому единственно надёжному средству познания. Об Авиценне как о враче сложилось на Востоке много легенд, которые записаны в разнообразных сочинениях. В этих легендах, конечно, много вымысла, однако одно верно: Авиценна был гений диагностики. Его живой, наблюдательный ум хорошо знал не только тело человека, но и его психику. Объяснения Авиценной некоторых болезней, например, язвы желудка, поразительны для человека, жившего в конце X и начале XI века.

Авиценна хорошо понимал, в чём были наиболее слабые стороны современной ему науки. Так, он отрицательно относился к астрологии, понимая, что это ложная наука, мешающая развитию астрономии; так же отрицательно относился он к алхимии. Историки науки говорят, что у Авиценны как химика были замечательные наблюдения и мысли. Авиценна написал интересный труд о камнях, дошедший до нас только в латинском переводе. В этом труде имеются мысли, которые являются для средних веков исключительным прозрением некоторых положений современной нам науки. Авиценна, рассуждая о горах и горообразовании, высказался в том смысле, что горы образуются в зависимости от землетрясений, когда происходит поднятие, вздутие земли. Понял он также и то, что процесс этот является весьма длительным во времени. В горообразовании, по мнению Авиценны, играет роль и вода, которая размывает землю и образует высокие холмистые берега. Заметил Авиценна и такие факты, как отпечатки на камнях мелких животных, которые жили только в морях. Отсюда он сделал смелый вывод, что там, где теперь суша, раньше было море. В этих отдельных гениальных наблюдениях сказывается вся сила научного метода Авиценны, основанного на опыте.

Авиценна умер на 58-м году жизни, в 1037 году. Это было весьма неспокойное время для Ирана. Газневидское государство в лице Масуда, сына Махмуда Газневи, и жадных чиновников поборами и вымогательствами довело народ Хорасана до ужасной нищеты.

Внутренние распри и военные столкновения между бувейхидскими владениями, а также нажим Масуда на своих вассалов, поскольку некоторые из бувейхидов были подчинены газневидам, привели к полному расстройству экономическую и политическую жизнь Юго-Западного Ирана. Ко всему этому нужно прибавить вторжение в Иран новых кочевников со стороны хорасанской границы (имею в виду тюрок-огузов во главе с сельджуками). Это вторжение закончилось в 1040 г. полным разгромом газневидского государства, от которого осталось лишь небольшое, политически невлиятельное княжество.

Созданное на территории Ирана на базе ликвидированных газневидского государства, а затем и бувейхидских княжеств, государство «великих сельджуков» принесло народам Ирана новую политическую кабалу, сопровождавшуюся дальнейшим углублением феодальных отношений и усилением мусульманского мракобесия. Если бы Авиценна продолжал жить в 40-х и 50-х годах XI в., то не только в Средней Азии, но и в Иране он не смог бы найти места, где бы его не настиг жестокий суд мусульманского мракобесия.

Вместе с Бируни Авиценна был последним великим учёным Востока эпохи феодализма, ещё свободным от пут ислама, хотя на многих его произведениях лежат следы вынужденных частичных уступок последнему.